

УДК 94(474.5) «2/14»  
DOI 10.37493/2409-1030.2021.2.7

О. В. Матвеев

## ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ В НАРОДНЫХ ИСТОРИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКИХ И БЕЛОРУСОВ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ<sup>1</sup>

Статья посвящена сравнительному анализу исторических представлений русских и белорусов о Великом княжестве Литовском. Автор приходит к выводу, что исторические представления соседних народов носили двойственный характер. В русской исторической культуре Великое княжество Литовское выступало как один из центров собирания русских земель, и, в то же время, устойчиво ассоциировалось с иноземным нашествием с Запада. У белорусов в рамках княжества стала оформляться белорусская идентичность, однако происходит духовный раскол, причем граница цивилизационного противостояния прошла не между народами, а между нобилитетом и низшими сословиями. Поэтому народные версии истории, не отягощенные точностью хроник и образностью сарматской идеологии, во многом отражали альтернативный взгляд, в котором своеобразно преломлялись социальные симпатии и антипатии. В статье представлена мозаика образов и устойчивых эпитетов, связанных с историческими условиями сосуществования русских и белорусов в рамках пограничных государств. Сближало средневековое мировосприятие двух народов, имевших общее древнерусское и православное наследие, противопоставление язычеству, а впоследствии и католицизму Литвы. В русских текстах автор выявил отражение династические и военно-политические связи Литовского и Русского государств, событий русско-литовских войн, симпатий к отдельным союзным литовским князьям, последствий «литовского разорения» и некоторых характеристик «культурных героев», приписываемых «Литве». В белорусской исторической куль-

туре развернутый образ Великого княжества Литовского обнаруживается лишь в письменной культуре знати, оказавшейся в орбите иной цивилизации и постепенно терявшей духовную связь со своим народом, а также среди городского населения, отстаивавшего свои статусные права. Анализ текстов позволил установить, что для народных представлений белорусских крестьян не характерно прославление войн и князей, не обязательны исторические подробности, зато важны переживания простых людей, на долю которых выпали испытания разорительных вторжений, плена, вынужденной разлуки с семьей. Поэтому содержание белорусских баллад во многом тождественно русским песням о татарском полове. Попытки «реконструкции» белорусского героического эпоса в духе фэнтези-рыцарства, опирающиеся на национально-мифологические фальсификации, имеют мало общего с подлинными произведениями народного творчества. Отдельные белорусские предания о князе Витовте либо «заземляют» его происхождение, вписывают его в ожидания народного правителя, либо наделяют ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт. Последняя находит аналогии и в русских топонимических преданиях, однако по другую сторону границы был более важен образ Витовта-врага, олицетворявшего «литовское разорение».

**Ключевые слова:** народные исторические представления, русские, белорусы, Великое княжество Литовское, этническое сознание, народная память, эпос, предания, легенды, топонимия, историческая культура, средневековое сознание.

Oleg Matveyev

## THE GRAND PRINCIPALITY OF LITHUANIA IN THE PEOPLE'S HISTORICAL CONCEPTS OF RUSSIANS AND BELARUSIANS: THE GENERAL AND THE SPECIAL

The article is devoted to a comparative analysis of the historical ideas of Russians and Belarusians about the Grand Duchy of Lithuania. The author comes to the conclusion that the historical views of the neighboring peoples were of a dual nature. In Russian historical culture, the Grand Duchy of Lithuania acted as one of the centers of gathering Russian lands, and, at the same time, was steadily associated with a foreign invasion from the West. The Belarusians began to form Belarusian identity within the principality, however, a spiritual split took place, and the border of civilizational confrontation did not pass between peoples, but between the nobility and the lower classes. Therefore, folk versions of history, not burdened with the accuracy of the chronicles and the imagery of Sarmatian ideology, largely reflected an alternative view, in which social sympathies and antipathies were refracted in a peculiar way.

The article presents a mosaic of images and stable epithets associated with the historical conditions of the coexistence of Russians and Belarusians within the border states. The medieval worldview of the two peoples, who had a common ancient Russian and Orthodox heritage, and opposition to paganism, and subsequently to the Catholicism of Lithuania, brought them closer together. In Russian texts, the author revealed the reflection of dynastic and military-political ties between the Lithuanian and Russian states, the events of the Russian-Lithuanian wars, sympathy for individual allied Lithuanian princes, the consequences of the «Lithuanian ruin» and some characteristics of «cultural heroes» attributed to «Lithuania». In the Belarusian historical culture, the expanded image of the Grand Duchy of Lithuania is found only in the written culture of the nobility, who found themselves in the orbit of another civilization and

<sup>1</sup> Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 20-59-00017 «Историческая культура белорусов и россиян: формирование представлений о национальном и общем прошлом»

gradually lost their spiritual connection with their people, as well as among the urban population, who defended their status rights. The analysis of the texts made it possible to establish that the glorification of wars and princes is not characteristic of the folk ideas of the Belarusian peasants, historical details are not required, but the experiences of ordinary people, who were exposed to devastating invasions, captivity, and forced separation from their families, are important. Therefore, the content of the Belarusian ballads is largely identical to the Russian songs about the Tatar area. Attempts to «reconstruct» the Belarusian heroic epic in the spirit of fantasy chivalry, based on national mythological

falsifications, have little in common with genuine works of folk art. Some Belarusian legends about Prince Vitovt either «ground» his origin, fit him into the expectations of the people's ruler, or endow him with the role of a «cultural hero» transforming the local landscape. The latter finds analogies in Russian toponymic legends, however, on the other side of the border, the image of Vitovt the enemy, who personified the «Lithuanian ruin», was more important.

**Key words:** folk historical representations, Russians, Belarusians, the Grand Duchy of Lithuania, ethnic consciousness, folk memory, epos, traditions, legends, toponymy, historical culture, medieval consciousness.

Великое княжество Литовское (ВКЛ) с XIII столетия и вплоть до вхождения в состав Речи Посполитой являлось полиэтническим и поликонфессиональным государственным образованием, значительную часть которого составило древнерусское население. В русской исторической культуре ВКЛ оставило противоречивую память. С одной стороны, княжество выступало одним из центров собирания русских земель, в состав ВКЛ входили продолжительное время Смоленск, Брянск и другие русские города. Не случайно на знаменитом памятнике 1862 г. М. О. Микешина «1000-летие России» в Новгороде среди выдающихся деятелей русской государственности изображены и литовские великие князья Гедимин, Ольгерд, Витовт, Кейстут и Довмонт. С другой стороны, в народной памяти русских понятие «Литва» устойчиво ассоциировалось с иноземным нашествием с Запада, разорением, которые несли пришельцы [6, с. 266].

Двойственная природа исторических представлений о княжестве характерна и для белорусов. С одной стороны, в рамках ВКЛ начинает оформляться белорусское этническое сознание, появляются такие мыслители как Франциск Скорина, Микола Гусовский, Сымон Будный, Василий Тяпинский, внесшие огромный вклад в становление белорусской идентичности, возникает книгопечатание на старобелорусском языке [5, с. 264]. С другой стороны, белорусы в этот период начинают терять свою элиту, происходит духовный раскол, причем граница цивилизационного противостояния в ВКЛ оформляется не между народами, а между нобилитетом и низшими сословиями. Поэтому народные версии истории, неотягощенные точностью хроник и образностью сарматской идеологии, во многом отражали альтернативный взгляд, в котором своеобразно преломлялись социальные симпатии и антипатии. В статье предпринята попытка выявить общее и особенное в народных исторических представлениях русских и белорусов о ВКЛ.

В представлениях русских крестьян слово «литва» увязывалось с обобщенным образом иноземных захватчиков. В.К. Соколова, посвятившая долгие годы изучению русских народных преданий, отмечала: «Широкое распространение

получил в преданиях термин «литва», который обозначает отнюдь не жителей Литовского княжества, предков современных литовцев, а служит общим наименованием всех пришельцев с Запада» [27, с. 33]. Память о «литовском разорении» в преданиях крестьян Карелии, Вологодской и Калужской областей, Верхней Волги, Смоленщины и др. предстает как катастрофа («светопреставление»), в результате которой было уничтожено древнее население края и сформировался тот мир, в котором живут современные крестьяне. Неудивительно при этом, что образ врагов-иноземцев приобретает в народных рассказах характеристики «культурных героев», правда, с апокалиптическими коннотациями [29, с. 179]. В одном из преданий Русского Севера говорится: «В Семиозере также ездили литовские паны для грабежей и разбоев, они не щадили ни часовен, ни церквей. Но следов нашествия не осталось, кроме одной могилы, которую называют могилой панов» [15, № 312].

Вместе с тем, в период существования ВКЛ отражение «литовского разорения» в народных представлениях русских Псковщины и Смоленщины имело реальную историческую почву. Эти земли в XIII – XIV вв. были объектом активной военной экспансии со стороны ВКЛ. Как отмечают специалисты, в этот период «литовские дела занимали второе место по количеству записей в новгородских летописях после внутренних событий» [18, с. 359].

В.К. Соколова отмечала родство русских богатырских преданий о борьбе с «литовским разорением» с белорусскими преданиями об осилках-волотах, сражавшихся с иноземными захватчиками [27, с. 39]. Однако, если в русских преданиях «Литва разоряла нас, а богатыри бились с нею» (Псковщина), богатыри во времена «литовинского разорения» сражаются и побеждают «литовскую тучу» (Смоленщина), то в белорусских преданиях літоўцы нередко сами предстают в образе мифических осилков-богатырей. В предании деревни Чернооки Верхнедвинского района говорится: «Я чула, што старыя расказывалі, што калісь даўно, гавораць, былі прыйшоўшы літоўцы сюды, за тое назвалі Літоўкай гэту гару. Дык гавораць, што літоўцы тыя – бальшыя людзі очэнь

былі, асілкі. Яны ж, як тут ваявалі, дык з гэтай гары кідаліся каменнымі малаткамі. А мы малыя яшчэ сьмяяліся, што малатком ваявалі. І тыя малаткі, а яны ж цяжкія, гэтыя даўнія людзі закідвалі аж на Заточынскую гару. А гара тая ў Дабраплёсе, за ракой, за Свольнай» [18, с. 359]. В. А. Лобач обратил внимание, что направление перебрасывания каменных молотов в этом предании – гора Литовка-Заточинская гора, идёт с юго-запада на северо-восток, в сторону псковских рубежей и в целом соответствует направлению походов литовских дружин [18, с. 359]. Не исключено, что в белорусском предании отразился средневековый перелом в исторических представлениях преданиях, когда население русских земель ВКЛ должно было участвовать в военных походах литовских князей.

Название «Литва» до сих пор носят некоторые белорусские деревни, среди белорусов имеют место фамилии Литвин. Литвинка, Литвинович. Как фамилия политоним Литвин зафиксирована в старобелорусском языке с XIV в. Так называли всех жителей ВКЛ независимо от их языка и религии [10, с. 163].

В исторической памяти белорусской шляхты ВКЛ предстает как легитимный правопреемник Древней Руси, как «свое» государство. Все события трактуются в рамках формирования единого литовско-русинского политического народа, которое происходит в середине – второй половине XV в. [19, с. 541]. Об этом говорят данные белорусско-литовской летописи 1446 г. – компиляции, составленной на основе Смоленской хроники, «Похвалы Витовту», продолжения Великого Летописца Князей Литовских и кратких записей про события 1432–1445 гг.

М.М. Кром, изучавший настроения городских слоев Литовской Руси конца XV – первой трети XVI в., не обнаружил в источниках этого времени «недовольства своим пребыванием в Великом княжестве Литовском или стремления присоединиться по доброй воле к Русскому государству» [16, с. 258]. Позиция городов в период русско-литовских войн определялась их статусом и отражалась на ходе и характере этих войн.

В народных исторических представлениях белорусских крестьян не нашли отражение войны ВКЛ с Московским государством. Правда, известна песня «О, воскресное утро», воспевающая победу войск ВКЛ и их предводителя «господина Острожского» под Оршей в 1514 г. Этот текст некоторые белорусские историки и публицисты провозгласили «старинной белорусской народной песней, написанной в XVI веке» [17, с. 92]. Песня сегодня стала популярной, благодаря клипам группы белорусской средневековой музыки «Стары Ольса». Поскольку мелодии оригинала не сохранилось, участники группы провели «реконструкцию», выбрав музыку другой песни

из сборника фольклориста М. Федоровского [31, с. 765–803]. Чтобы совместить текст с музыкой, исполнителям пришлось немало потрудиться, отбросив концовку и добавив свои авторские строчки. Сам текст был впервые опубликован известным белорусским общественным и политическим деятелем В.У. Ластовским, не раз уличенным в фальсификации текстов [8, с. 82–87]. Текст был опубликован Ластовским на латинице в следующем виде: «Pra bitwu pad Oršaj / Oj ū niadzielku paranieńko, / Uzyjšo soniejko chmarnieńko, / Uzyjšo soniejko nad boram, / Panad Sieleckim taboram. / A ū tabory truby hrajuć, / Da wajakaje parady zazywajuć. / Stali rądy adbywaci, / Atkul Woršy dabywaci: / A ci s pola, a ci z lesu, / A ci z rečki niewialički!? / Ani s pola, ani z lesu, / Tolki z rečki niewialički! / A ū niadzielu paranieńku / Stali chłopcy-piatyhorcy / Kala rečki na pryhorcy: / Hućać razam s samapałou, / S siamipiadych ad zapałou; / Bjuć paūsotkaju z harmatoŭ... / Maskwa stała narekaci, / Miesto Woršu pakidaci; / A jak z Woršy uciekali, / Rečku niewialičku praklnali: / «Badaj ty, rečka, sto let wysychała, / Jak našaja sława tutka prapała; / Badaj wysychała da skančeńnia świetu, / Što našaj sławańki ūžo nietu!» Sława Woršy ūžo nia horša, / Słaŭsia, pan Astrožski!» [33, с. 55].

Как убедительно показал белорусский историк и литературовед О. В. Лицкевич, этот текст написан не в XVI в., не рассказывает о реальных событиях Оршанской битвы и не является произведением белорусского народного творчества [17, с. 94]. В. У. Ластовский не привел ссылок на первоисточник: когда, где и от кого он услышал и записал песню. В сборниках белорусских народных песен, многие десятки которых были изданы в XIX – XX вв., нет ни одной подобной песни или ее варианта. Текст В.У. Ластовского не соответствует белорусским песням по духу, интонации и сюжету. И хотя его первая публикация не соответствовала правилам фольклористики, но имела гриф Наркомпроса БССР и поэтому приобрела соответствующий «академический» статус. После сворачивания политики «белорусизации» и ареста В.У. Ластовского об этом тексте белорусские фольклористы не вспоминали. Лишь националистические авторы приводили его как аргумент в пользу того, что белорусский народ якобы хранил память о борьбе с Московским государством. В 1944 г. песня была перепечатана в книге Я. Найдюка «Беларусь вчера и сегодня», которая задумывалась нацистскими властями как школьный учебник для оккупированных белорусских территорий. Всю свою жизнь В.У. Ластовский мечтал создать белорусский героический эпос как основу нового национального мифа «кривичей»-белорусов. Даже в саратовской ссылке он не отказался от этой идеи и в одном из писем 1934 г. отметил: «Я хочу выдвинуть нашу эпос, создав род Калевала». Но настоящий белорус-

ский фольклор для этого мало подходил. Поэтому Ластовскому пришлось придумывать новые «исторические песни» [17, с. 93].

В целом ряде русских былин упоминаются Литва, действие происходит в Литовском королевстве, имена некоторых героев восходят к литовским князьям: Мануил сын Ягайлов, Жиман, Сухман Домантьевич. Етмануйло Етмануйлович). В других былинных сюжетах упоминаются Мануил сын Ягайпов, литовский король Жиман. С живой литовской речью правомерно связывать имя Этмануйло Этмануйлович и Етмануйло Етмануйлович, встречающееся в Сборнике Кирши Данилова. Вероятнее всего, оно образовано от литовского нарицательного имени существительного «etmonas». Отдаленная параллель Ячман король Ячманайлович обнаруживается в одном из вариантов былины «Наезд литовцев», записанной в Русском Устье на реке Индигирке (Восточная Сибирь) [22, с. 19].

В былине «Князь Роман и братья Витники» («Наезд литовцев») запечатлен образ Романа Михайловича Брянского, который во второй половине XIII в. вел успешную борьбу с экспансией литовских князей. В былине упоминается рубежная река Березина (приток Днепра, а не Немана), по которой в средние века действительно проходила граница между русскими землями и Великим Княжеством Литовским. В печорских записях город, которым правит князь Роман, именуется Бранском, Обранском и даже Брянском [22, с. 20]. Интересно, что в этой былине архаичные по своим корням элементы повествования сосуществуют с реалиями позднего средневековья. Так князь Роман, подобно Волху Всеславьевичу (в котором видят прототипа Всеслава Полоцкого), изображается как князь-оборотень, превращающийся в зверей и птиц. Это позволяет ему незаметно проникнуть в лагерь неприятеля, испортить оружие и покалечить коней литовских королевичей: «Как сам обернулся черным вороном, / Полетел он по чисту полю <...> / Стоит там литва поганая, / Развернуты шатры белополотняны, / Спущены добры кони <...> / Обернулся он серым волком, / Добрых коней по чисту полю порозгонял, / У иных горлышко повырывал, / А иных вогнал во реку Березину; / Обернулся тонким белым горностаем, / Заскакивал в шатры белополотняны; <...> / У тугих луков тетивочки повыкусывал, / У сабелек острийца повыщепал, / У оружицев кремешки повывертел» [7, с. 306].

«Наезд литовцев» — единственная былина, в которой почти все сказители упоминают огнестрельное оружие, Наличие ружей, у которых князь-оборотень вывернул кремневые замки, а также упоминание похода литовцев на Москву, говорит о сравнительно позднем оформлении былинного сюжета. В.Я. Пропп связывал исторический фон этой былины с Ливонской войной XVI в.

[24, с. 410]. Нам представляется более реалистичной позиция Ю. А. Новикова, который видит в былине «Наезд литовцев» отражение противостояния с ВКЛ эпохи Романа Брянского. Во время Ивана Грозного военные действия велись далеко на западе, не угрожали не только Москве, но и Брянску. В XIII–XIV столетиях литовцы под руководством Гедимина, Кестутиса, Витовта и других князей неоднократно совершали походы против Брянского княжества, а полки Альгирдаса стояли под стенами московского Кремля. Не исключено, что именно это обстоятельство послужило причиной упоминания Москвы в чисто былинном по характеру сюжете [22, с. 22].

Образ захватчиков в средневековом сознании демонизировался эпитетом «Литва поганая». Особое значение в мировосприятии русских по обе стороны границы имела языческая религия Литвы, противопоставлявшая последнюю христианскому населению и сближавшую с «нечистыми народами», не знавшими христианства. Еще в христианизированном Полоцком княжестве, отмечал Л. В. Алексеев, «всякое зло-наваждение связывалось с нечистой силой, идущей из соседней языческой Литвы» [2, с. 250]. Даже в XIX в., по свидетельству Н.И. Костомарова, образы нечистой силы отождествлялись у белорусов с представлениями о литовцах [14, с. 214, 239]. Подобные представления имели место и у русских. В свадебном обряде ряда казачьих областей при выкупе невесты исполнялась песня «Не приступай, Литва», где партия жениха уподоблялась вражескому войску. Интересно, что у терских казаков ст. Екатериноградской «Литва» заменялась демоническим существом «Лютра». Девушки из партии невесты пели: «Не приступай, лютра, / Будем с тобой драться, / Будем воевать, / Сестрицу не давать». По словам жителей ст. Екатериноградской, «лютра — вроде бабы-яги или колдуньи» [28, с. 88].

В то же время в былинных текстах, записанных на Русском Севере, часто встречается словосочетание «Литва хоробрая» [22, с. 19]. В эпическую Литву нередко уезжают богатыри, чтобы послужить королю. В русских балладах нередко используется формула: «Гулял молодец из орды в орду, / Загулял молодец к королю в Литву». Туда же отправляется былинный Дунай Иванович, который сватает за киевского князя Апраксу-королевичну, а сам женится на ее сестре Настасье. Эти тексты отражают реальные вассальные, династические, культурные, военно-политические, существовавшие между Московским государством и ВКЛ. Исследователь русского былинного эпоса В.Г. Мирзоев справедливо отмечал, что былина «Дунай» рассказывает о «мирных и военных отношениях между Русью и Литвой. Былина эта позднего времени, когда Москва стала уже серьезной силой на Западе, с которой считается Литва, когда-то сама

нападавшая на Русское государство. <...> Нет сомнения в том, что эти персонифицированные былиной отношения между Русским и Литовским государствами передают реальные политические комбинации» [20, с. 51–52].

Об отдельных литовских князьях, защищавших русские города или действовавших в союзе с московским великим князем, в исторических представлениях россиян сохранилась добрая память. Так, выдающийся русский эпосовед В. Ф. Миллер считал, что отчество былинного богатыря Сухмана Домантьевича (Одихмантьевича) связано с именем литовского князя Довмонта, княжившего в Пскове во второй половине XIII столетия [21, с. 170–171]. В былине, отправляясь к Непре-реке исполнить обещанную трудную службу князю Владимиру, Сухман замечает татар, устаивавших «мосточки калиновы», чтобы напасть на Киев. С одной лишь «дубиночкой-вязиночкой» Сухман Домантьевич вступает с татарами в бой, разбивает вражеское войско, однако и богатыря настигают три «стрелочки каленые». Заткнув кровоточащие раны «листочками маковыми», Сухман Домантьевич возвращается в Киев. Князь Владимир гневается на Сухмана за то, что не выполнил обещания – не принес ему «белу лебедь живьем», не верит ему, что причина – бой с татарами, приказывает посадить богатыря в погреб и посылает Добрыню Никитича «проведать заработки Сухмантьевы». Добрыня на месте побоища застал «сорок тысяч татаровой поганых» и привез в качестве доказательства изломанную о головы врагов «дубиночку Сухмантьеву». Поверив, что Сухман Домантьевич действительно спас Отечество, Владимир освобождает богатыря из погреба и обещает награды и почести. Однако герой их отвергает: «Выдергивал листочки маковые / Сам Сухмантий приговаривал: / «Потеки, Сухман-река, / От моей от крови от горячия, / От горячия крови, от напрасны!»» [7, с. 284].

«Отчество Домантьевич. – отмечал В. Ф. Миллер, – может восходить к имени знаменитого Псковского князя, литвина Домонта (или Довмонта) конца 13-го столетия, принявшего в крещении имя Тимофея и причисленного к лику святых. В истории Пскова Домант самая крупная фигура, всего более близкая к типу эпического героя. Псковские летописцы с увлечением останавливаются на его подвигах, прославляя, и, вероятно, преувеличивая их» [21, с. 170].

Когда немцы («поганая латынь») опустошили окрестности Пскова, разорили несколько монастырей и осадили город, Домант отважно выступил против них, напал на врагов на реке Великой 4 марта 1299 г. и разбил их на голову. «Из приподнятого тона летописного и житийного повествования о Доманте, из невероятной несоразмерности сил, с которыми он поражает иногда в десять раз

более многочисленных врагов, – писал В. Ф. Миллер, – видно, что личность Доманта производила на современников сильное впечатление, впечатление какого-то былинного богатыря, избивающего целые полчища врагов. Летописец сравнивает его с греческим Акритом: «И бысть побежая, говорит он и не бе победим, яко же и Акрита, един побежая полки в крепости силы своя». Понятно, что память о героическом князе Доманте, или св. Тимофее долго жила в псковском населении, что ближайшие к нему поколения ещё знали рассказы о его подвигах, конечно, разукрашенные фантазией, а дальнейшие – знали его имя как героя древности. Память о нём была связана с Довмонтовой стеною, выстроенной им, примыкающей к Псковскому Кремлю с южной стороны и образующей четверугольную продолговатую площадь, о Доманте вспоминала его гробница в Троицком соборе и висевший близ неё его меч» [21, с. 172].

В. Ф. Миллер указал на черты, сближавшие былинного Сухмана Домантьевича с преданиями о подвигах псковского Довмонта: «Сухан истребляет татар при реке Непре, Домант многократно разбивал врагов на реках (Двине, Киголе, Мироповне. Великой) и топил их в воде; как Сухан после поражения татар в Непре умирает, так самый славный подвиг Доманта, спасший Псков от немецких полчищ, произошёл на реке Великой близ города и связан с его кончиной. Спасению Киева от татар соответствует спасение Пскова от немцев» [21, с. 172–173].

В «Задонщине», все списки которой восходят к устным произведениям XIV – XV вв., подвергшимся лишь незначительной литературной обработке [1, с. 48], нарисованы величественные образы героев Куликовской битвы братьев Ольгердовичей: «Сыновья Литвы храбрые, кречеты в ратное время и полководцы прославленные, под звуки труб их пеленали, под шлемами лелеяли, с конца копья они вскормлены, с острого меча вспоены в Литовской земле. Молвит Андрей Ольгердович своему брату: «Брат Дмитрий, два брата мы с тобой, сыновья Ольгердовы, а внуки мы Гедиминовы, а правнуки мы Сколомендовы. Соберем, брат, любимых панов удалой Литвы, храбрых удалцов, и сами сядем на своих борзых коней и поглядим на быстрый Дон, напьемся из него шлемом воды, испытаем мечи свои литовские о шлемы татарские, а сулицы немецкие о кольчуги басурманские!» [25, с. 94].

По мнению советского белорусского исследователя А.П. Игнатенко, Великие князья Литовские в устном творчестве белорусов «или вообще не упоминались, или подавались как отрицательные персонажи» [12, с. 71]. А. П. Игнатенко прав в том плане, что тексты с подробным описанием реальных исторических событий и исторических деятелей не характерны для белорусского фольклора, за исключением некоторых солдатских

песен XVIII – XIX вв. веков. Для белорусских народных текстов типичны больше баллады, которые не описывают конкретные исторические факты, а преломляют их через индивидуальные человеческие судьбы. Такой, например, предстает песня «Ой, літаў-пылітаў ды сівы гарол», которую считают откликом на Клецкую битву 1506 г. О ходе самого сражения, тем более о его герое князе Михаиле Глинском здесь никакой речи не идет, реалии передают лишь строчки, в которых «над широкий ракой кыля Клеціўска» татары делят добычу: «Там агні ыраць, там катлы кыпяць / І татары стыяць, палон дзелючы, / Палон дзелючы, пыдзяляючы, / Дзіцей з маткамі разлучаючы. / Дысталася сістра брату пытурчаніну, / Сістра брату, цешча зяцу бысурманіну» [3, с. 175].

Народная песня не имеет ничего общего с песней о Клецкой битве, исполняемой ансамблем белорусской средневековой музыки «Стары Ольса», где действительно главным персонажем является Михаил Глинский: «Там за рэчкай, за ракой не дужа глыбокай / Ды нямала ў берагах ў берагах шырокай

ў берагах шырокай / Войска лютае татар пачало спыняцца / Каб літве пашкодзіць да ракі пра-брацца / Міхал Глінскі бачыў мост ужо гатовы / Да літвы прамовіў гэтакія словы / «Каб Айчыну-маці мужа ратавалі / Ды татараў лютых мужа ваявалі!» / мужа ваявалі / Нашы як ударылі раптам на татараў / Звон і гром нясецца неба ліецца жарам / неба ліецца жарам / Там з атрадам Глінскі ўласным прытаіўся / Ад падстрэлу другі конь пад ім заваліўся пад ім заваліўся / Ён на іншага ўскачыў не зважаў ні мала /

Так як гетману і ўсім рыцарам прыстала рыцарам прыстала <...> / Так Літва татараў біла мардавала / Аж да Цапры да ракі да ракі загнала» [32]. Автором этого текста был польский историк, поэт и католический священник Матей Стрыйковский (1547–1593). Руководитель группы «Стары Ольса» Дмитрий Сосновский адаптировал этот текст к народным напевам белорусских баллад, однако к народным историческим представлениям белорусов это произведение не имеет никакого отношения.

Зато в русских народных песнях о татарском полоне мы встречаем прямые аналогии белорусским балладам. Например, в песне, записанной в Симбирской губернии, говорится: «Не они горят, не котлы кипят, / В чистом поле все Татары, / Все Татары полон делят / Все Татары полон делят: / Доставалася дочь с матерью» [23, с. 204] и т.д. Таким образом, даже откликаясь на события битв ВКЛ, народная история белорусов встраивала смутные упоминания «Клецкі староны» в традиционную для восточных славян схему. Здесь приоритет отдавался не прославлению побед ВКЛ, а драматическим человеческим ситуациям, близким понятным белорусам.

В то же время нельзя согласиться с утверждением А. П. Игнатенко о полном отсутствии упоминаний Великих князей Литовских в белорусском народном творчестве. В исторической памяти белорусского народа сохранялось имя князя Витовта, правда в весьма своеобразном преломлении. В белорусском предании этот государь-воитель связан своим происхождением с народом. Для выбора короля в Польше решили пустить богатырского коня, который выбирает вьющего верёвки сельского старика, откуда и имя, происходящее от слова «вить»: «Слядили за лошадыю, у след ехали, а яе пустили, два месяца за ёю слядили. Приходить лошадь у дзярэню и пашла прямо з дзярэню на гумно, и віў там старик абрыўкі за авиным. Лошадь, как ишла, пала перед стариком на калена, и находят слядетели услед за лошадыю: стаить лошадь на каленках.

– Ну, яны сказали: ты наш круль-царь – тибе признала лошадь и мы. Як ты абрыўкі віў, будь краль Витыўт» [26, с. 378]. По мнению Ю. Гурской, «селянское» происхождение князя отвечает свойственной белорусской мифологии «заземленности» персонажей, низкому уровню сакрализации власти, а происхождение имени увязывается с магическим действием – витьем веревки, что актуализирует символику связи, объединения, позволяет провести параллель с мудрой объединительной политикой Витовта [9].

В предании перед смертью Витовт завещал, что в случае нападения на страну врагов его надо разбудить. Но словам короля не поверили и разбудили просто так, чтобы проверить завещание: «Сабрали музыку всіе духавую, пашли на яво магилку, на Витаву каралеву. Заиграла музыка. Устаеь кароль с таво свету.

– Аб чом, дети, мне будить? Хто вас абиждаить?.

А яны яму атказують:

– Кароль Вытыў, нас нхто не абижаить, а мы думали, ти праўда ета, што ты казаў, што ўстанішь.

– Ну, дети мае, ня гневайтись! Вы мени с това свету збунтували – будья вы прокляты ат мене и век вешный бунтуйтесь!.

С тех пор и пашли бунты у Польщи» [26, с. 378].

Отчеством Витовтович (Вытовцевич) наделяется «царь» Владимир в некоторых белорусских вариантах духовных стихов «Голубиной книги», созданной в процессе фольклоризации апокрифических сочинений, где в форме вопросов и ответов даются сведения о происхождении мира, людей, сословий, географические, естественно-научные и другие сведения [4, с. 287].

В песенном фольклоре белорусов имя Витовта не нашло отражения. Правда, ансамбль белорусской средневековой музыки «Стары Ольса» в своих «реконструкциях» пытается представить текст, введенный в оборот тем же

В. У. Ластовским, народной песней. Этот текст, как показал О. В. Лицкевич, основан на польской военной песне XV века, из которой сохранились только две строчки: «Idzie Witold po ulicy, / Za im piosą dwie szablidy». В. У. Ластовский «перевел» эти строки на белорусский язык и довольно неудачно попытался стилизовать собственное произведение под белорусский фольклор. Сложно представить, отмечает исследователь, чтобы белорусский народ мог на протяжении нескольких столетий петь такие строки: «Гукнуў-пукнуў у падковы: / «Гэй, шыхуйся, пан кашовы. / Стаўляй войска ў бітным ладзе, / Гэй, паслужым, брацця, праўдзе. / Ударым у бубны, бразнем у мечы, / Усцелем поле трупам нейчым» [17, с. 98].

Имя Витовта представлено в белорусской топонимии: Витов Мост, Витовы камни, Витовтова дорога и др. Топонимическое предание название местечка Лошница возводит к концу XIV – началу XV веков, связывая с князем Витом (Витоком), которому во время одного из его походов воины на верхушке горы устроили ложе (постель). В память об этом событии гору называли Ложницей (или Витогорьем), а ручей Ложей. Предание не противоречит историческому факту: в 1395 г. Витовт предпринял поход из Вильно в Оршу против Свидригайлы, совершить который он мог только через Борисовский уезд [9]. На западной Смоленщине в 20 км ниже Велижа около Двины до сих пор сохранились названия Витова Гора и Витов Мост.

В русской исторической топонимии имя Витовта встречается на Псковщине. Фольклористы Псковского государственного университета записали в 2011 г. от нескольких информантов предание о Витовт-ключе с целебной водой, образовавшемся от удара меча литовского князя [13, с. 24]. Л. А. Юрчук отметила, что появление родника близ д. Идрица Себежского района связано с пребыванием на Псковской земле в 1414 г. великого князя литовского Витовта [30, с. 80].

Помимо народной топонимии имя князя Витовта связывается с некоторыми образцами русского фольклора малого жанра. Так, память об осаде Смоленска сохранилась в русской поговорке «К кому Богородица, а к нам Литва». К этой поговорке В. И. Даль сделал следующее примечание: «Икона спасла Москву от Тамерлана, а Витовт ограбил Смоленск» [11, с. 434]. Согласно летописному преданию, Москву в 1395 г. от нашествия Тамерлана спасла икона Владимирской Божьей Матери, перенесенная по просьбе великого князя в столицу Русского государства. В то время, когда москвичи встречали чудотворный образ, Тамерлану приснился вещий сон, предрекавший беду, и полководец увёл свои войска на юг. В это же время Смоленск осадил Витовт Великий. Воспользовавшись распрями и междоусобицами между русскими князьями и воеводами, литовский князь почти без боя овладел городом. Обиженные на

судьбу жители Смоленска выразили отношение к известию о чуде под Москвой соответствующей поговоркой [22, с. 17]. С походом Витовта на Порхов связана русская пословица «Яганова пушка своих побивает». Так говорили о ситуациях, когда чрезмерные усилия оборачивались потерями для своих же. В. И. Даль сделал к этой пословице следующее примечание: «У Витовта, при осаде Порхова 1431 г. разорвало большую пушку» [11, с. 622]. При осаде литовцы использовали огромную пушку, отлитую немецким мастером Яганом (Иоганном). Первым выстрелом литовцам удалось разрушить одну из башен Порхова, однако саму пушку разорвало на куски, причем осколками были убиты многие воины Витовта и мастер Яган [22, с. 17].

Таким образом, народные представления русских и белорусов о ВКЛ обнаруживают целую палитру образов и устойчивых эпитетов, связанных с историческими условиями сосуществования в рамках пограничных государств. Сближало средневековое мировосприятие двух народов, имевших общее древнерусское и православное наследие, противопоставление язычеству, а впоследствии и католицизму Литвы. В русских текстах нашли отражение династические и военно-политические связи Литовского и Русского государств (былина «Дунай Иванович»), события русско-литовских войн (былина «Наезд литовцев», топонимические предания), симпатии к отдельным союзным литовским князьям (Довмонт, братья Ольгердовичи), последствия «литовского разорения» и некоторые черты «культурных героев», приписываемых «Литве». В белорусской исторической культуре развернутый образ ВКЛ представлен лишь в письменной культуре знати, оказавшейся в орбите иной цивилизации и постепенно терявшей духовную связь со своим народом, а также у городского населения, отстаивавшего свои статусные права. Для народных представлений белорусских крестьян не характерно прославление войн и князей, не обязательны исторические подробности, зато важны переживания простых людей, на долю которых выпали испытания разорительных вторжений, плена, вынужденной разлуки с семьей. Поэтому содержание белорусских баллад во многом тождественно русским песням о татарском полоне. Попытки «реконструкции» белорусского героического эпоса в духе фэнтэзи-рыцарства, опирающиеся на национально-мифологические фальсификации (песни о князе Витовте, Оршанской и Клецкой битвах) имеют мало общего с подлинными произведениями народного творчества. Отдельные белорусские предания о князе Витовте либо «заземляют» его происхождение, вписывают его в ожидания народного правителя, либо наделяют ролью «культурного героя», преобразующего местный ландшафт. Последняя находит аналогии и в русских топонимических преданиях, однако по другую сторону границы был более важен образ Витовта-врага, олицетворявшего «литовское разорение».

### Источники и литература

1. Азбелев С. Н. Куликовская битва в народной памяти. Литературные памятники куликовского цикла и фольклорная традиция. СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. 312 с.
2. Алексеев Л. В. Полоцкая земля: (Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.) / АН СССР Ин-т археологии. М.: Наука, 1966. 295 с.
3. Беларускі эпас / под ред. П. Ф. Глебке, І. В. Гутарау. Минск: Выдавецтва АН БССР, 1959. 318 с.
4. Белорусский сборник. Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи / Собр. Е. Р. Романов. Витебск: Типо-литогр. Г. А. Малкина, 1891. 450 с.
5. Боярчук Т. Н. Влияние исторического прошлого на менталитет белорусов // Исторические и политические исследования. 2012. №1 (49). С. 261–272.
6. Буганов А. В. Личности и события в массовом сознании русских крестьян XIX – Начала XX в.: Историко-этнографическое исследование. М.: Принципиум, 2013. 296 с.
7. Былины / Сост., вст. ст., подг. текстов и коммент. Ф. М. Селиванова. М.: Сов. Россия, 1988. – 576 с. (Б-ка русского фольклора, Т. 1).
8. Гронский А. Кастусь Калиновский: конструирование героя // Беларуская думка. 2008. №2. С. 82–87.
9. Гурская Ю. Образ князя Витовта в народной культуре белорусов // <https://krmilfor.wordpress.com/2017/02/09> (дата обращения 12.11.2020).
10. Гурская Ю. А. Фамилии отэтонимического происхождения на территории Великого княжества Литовского // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2010. №3. С. 160–165.
11. Даль В. И. Пословицы русского народа. Сборник пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий, пр. Владимира Даля. СПб.-М., 1879: Изд-е М. О. Вольфа. Изд-е 2-е. Т. I. 685 с.
12. Игнатенко А. П. Борьба белорусского народа за воссоединение с Россией (вторая половина XVII – XVIII в.). Минск: Изд-во БГУ им. В. И. Ленина, 1974. 192 с.
13. Казакова Л. А. Топонимические предания Псковской области (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные и психолого-педагогические науки. 2012. № 1. С. 19–26.
14. Костомаров Н. И. Русские инородцы. М.: Чарли, 1996. 608 с.
15. Криничная Н. А. Предания Русского Севера. – СПб.: Наука, СПб. отделение, 1991. 328 с.
16. Кром М. М. Меж Русью и Литвой. Пограничные земли в системе русско-литовских отношений конца XV – первой трети XVI в. 2-е изд., испр. и доп. М.: Квадрига; Объед. ред. МВД России, 2010. 320 с.
17. Ліцкевіч А. «Слава Воршы ўжо не горша...» // Беларуская думка. 2009. № 3. С. 92 – 99.
18. Лобач В. А. Богатыри, осилки и девы-воительницы в топонимических преданиях восточных славян // Балто-славянские исследования – XX. Сб. науч. трудов. М.: Изд-во Инс.-т славяноведения РАН, 2019. С. 350 – 383.
19. Марзалюк И. Великое княжество Литовское в исторической памяти белорусов-русинов: от средневековья к модерну // Ab imperio. Казань, 2004. № 4. С. 539–560.
20. Мирзоев В. Г. Былины и летописи – памятники русской исторической мысли. М.: Мысль, 1978. 256 с.
21. Миллер Вс. Ф. Очерки русской народной словесности. Т. III. Былины и исторические песни. М.-Л.: Гос. изд-во, 1924. 351 с.
22. Новиков Ю. А. Литва в русском фольклоре // Художественный текст: Восприятие. Анализ. Интерпретация. Вильнюс, 2008. № 6. С. 17–25.
23. Песни, собранные П. В. Киреевским. Изданы Обществом любителей российской словесности. М.: Тип. Лазарев. инст. вост. яз., 1864. Вып. 6–7. 583 с.
24. Пропп В. Я. Русский героический эпос. М.: Лабиринт, 1999. 636 с.
25. Сказания и повести о Куликовской битве: Древнерус. тексты и пер. / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, О. П. Лихачева. Л.: Наука, Ленингр. отд-ние, 1982. 422 с.
26. Смоленский этнографический сборник / сост. В. Н. Добровольский. Ч. 1. СПб: Тип. Е. Евдокимова, 1891. 716 с.
27. Соколова В. К. Русские исторические предания. М.: Наука, 1970. 288 с.
28. Тхамокова И. Х. Традиционная казачья свадьба (по материалам Кабардино-Балкарии) // Мир культуры. 1990. Вып. 1. С. 70–101.
29. Штырков С. А. Предания об иноземном нашествии: крестьянский нарратив и мифология ландшафта (на материалах Северо-Восточной Новгородчины). СПб.: Наука, 2012. 226 с.
30. Юрчук Л. А. Псковские предания об исторических лицах (по материалам фольклорного архива ПсковГУ) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №2. С. 75–83.
31. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach. – Kraków, Warszawa, 1958. – T. V. Piesni milosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, Lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokolki, Pruzany, Nowogrodka i Slucka. 920 s.
32. Клецкая битва 1506 г. URL: <https://staryolsa.com/ru/lyrics/kleckaja-bitva-1506> (Дата обращения. 12.01.2021).
33. Wypisy z białoruskaj literatury. Časć I / Złazyŭ i wydaŭ W. Łastoŭski. Wilnia, 1918. 80 с.

### References

1. Azbelev S. N. Kulikovskaya bitva v narodnoy pamyati. Literaturnie pamyatniki kulikovskogo cikla i folklornaya tradiciya (The Battle of Kulikovo in the people's memory. Literary monuments of the Kulikovo cycle and folklore tradition). St.Petersburg: Dmitry Bulanin, 2011. 312 p. (In Russian).
2. Alekseev L. V. Polockaya zemlya: (Ocherki istorii Severnoy Belorussii v IX–XIII vv. (Polotsk land: (Essays on the history of Northern Belarus in the IX–XIII centuries) / USSR Academy of Sciences. Institute of Archeology. Moscow: Nauka, 1966. 295 p. (In Russian).

3. Belarusski epas (Belarusian epas) / ed. P.F. Glebka, I.V. Gutarau. Minsk: Publishing House of the Academy of Sciences of the BSSR, 1959. 318 p. (In Belorussian).
4. Belarusski sbornik (Belarusian collection). Issue. 5. Conspiracies, apocrypha and spiritual verses. Vitebsk: G.A. Malkin, 1891. 450 p. (In Belorussian).
5. Boyarchuk T. N. Vliyaniye istoricheskogo proshlogo na mentalitet belorusov (The influence of the historical past on the mentality of Belarusians) // Historical and political studies. 2012. No. 1 (49). P. 261–272. (In Russian).
6. Buganov A. V. Lichnosti i sobitya istorii v massovom soznanii russkikh krestyan XIX – nachale XX vv.: istoriko-etnograficheskoe issledovanie (Personalities and events of history in the mass consciousness of Russian peasants of the XIX – early XX centuries: Historical and ethnographic research). Moscow: Principium, 2013. 296 p. (In Russian).
7. Bilini (Epics) / Comp., Entry. Art., prepared. texts and comments. F.M. Selivanov. Moscow: Sov. Russia, 1988. 576 p. (Library of Russian folklore; Vol. 1). (In Russian).
8. Gronskey A. Kastus Kalinovsky: konstruirovaniye geroya (Kastus Kalinovsky: construction of a hero) // Belaruskaya dumka. 2008. No. 2. P. 82–87. (In Russian).
9. Gurskaya Y. Obraz knyazya Vitovta v narodnoy culture belorusov (The image of Prince Vitovt in the folk culture of Belarusians) // <https://krmilfor.wordpress.com/2017/02/09> (date of treatment 11/12/2020). (In Russian).
10. Gurskaya Yu. A. Familii otetnonimicheskogo proishogdeniya na territorii velikogo knyagestva Litovskogo (Surnames of ethnonymic origin on the territory of the Grand Duchy of Lithuania) // Bulletin of the Kostroma State University named after ON. Nekrasov. 2010. No. 3. P. 160–165. (In Russian).
11. Dal V. I. Poslovici russkogo naroda. Sbornik polovic, pogovorok, recheniy, prisloviy, chistogovorok, pribautok, zagadok, poveriy, pr. Vladimira Dalya (Proverbs of the Russian people. Collection of proverbs, sayings, pure phrases, jokes, riddles, beliefs, etc. Vladimir Dal). Vol. I. St. Petersburg – Moscow: Publishing house of M.O. Wolf, 1879. 685 p. (In Russian).
12. Ignatenko A. P. Borba belarusskogo naroda za vossoedineniye s Rossiey (vtoraya polovina XVII – XVIII v.) (The struggle of the Belarusian people for reunification with Russia (second half of the 17th – 18th centuries)). Minsk: Publishing house of BSU named after Lenin, 1974. 192 p. (In Russian).
13. Kazakova L. A. Toponimicheskie predaniya pskovskoy oblasti (po materialam folklornogo arhiva PskovGU) (Toponymic legends of the Pskov region (based on the materials of the Pskov State University folklore archive)) // Bulletin of the Pskov State University. Series: Social-humanitarian and psychological-pedagogical sciences. 2012. No. 1. P. 19–26. (In Russian).
14. Kostomarov N. I. Russkie inorodci (Russian foreigners). Moscow: Charlie, 1996. 608 p. (In Russian).
15. Krinichnaya N. A. Legendy Russkogo Severa (Legends of the Russian North). SPb.: Science, SPb. department, 1991. 328 p. (In Russian).
16. Krom M. M. Mesh Rusyu i Litvoy. Pogranichnie zemli v sisteme russko-litovskikh otnosheniy konca XV – pervoy treti XVI v. (Between Russia and Lithuania. Borderlands in the system of Russian-Lithuanian relations at the end of the 15th – first third of the 16th century). Moscow: Quadriga; Ed. ed. Ministry of Internal Affairs of Russia, 2010. 320 p. (In Russian).
17. Litskevich A. «Slava Vorshi vsho ne gorsha...» («Glory to Vorshy, but not bitter ...») // Belarusian thought. 2009. No. 3. P. 92–99. (In Belorussian).
18. Lobach V. A. Bogatiri, osilki i devi-voitelnici v toponimicheskikh predaniyakh vostochnih slaviyan (Bogatyr, donkeys and warrior maidens in toponymic legends of the Eastern Slavs) // Balto-slavyanskyye issledovaniya – XX. Sbornik nauchnih trudov. Moscow: Publishing house of the Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences, 2019. P. 350 – 383. (In Russian).
19. Marzalyuk I. Velikoye knyashestvo Litovskoye v istoricheskoy pamyati belorusov-rusynov: ot srednevekovyaya k modernu (The Grand Duchy of Lithuania in the historical memory of Belarusians-Rusyns: from the Middle Ages to modernity) // Ab imperio. Kazan, 2004. No. 4. P. 539–560. (In Russian).
20. Mirzoev V. G. Bilini i letopisi – pamyatniki russkoy istoricheskoy misli (Epics and chronicles are monuments of Russian historical thought). Moscow: Mysl, 1978. 256 p. (In Russian).
21. Miller Vs. F. Ocherki russkoy narodnoy slovesnosti. Vol. III. Bilini i istoricheskie pesni (Essays on Russian folk literature. Vol. III. Epics and historical songs). Moscow-Leningrad: State. publishing house, 1924. 351 p. (In Russian).
22. Novikov Yu. A. Liva v russkom folklоре (Lithuania in Russian folklore) // Fiction text: Perception. Analysis. Interpretation. Vilnius, 2008. No 6. P. 17–25. (In Russian).
23. Pesni, sobrannye P. V. Kireevskim. Izdani Obchestvom lubiteley rossiyskoy slovesnosti (Songs collected by P.V. Kireevsky. Published by the Society of Russian Literature Lovers). Issue. 6-7. Moscow: Type. Lazarev Institute of Eastern Language, 1864. 583 p. (In Russian).
24. Propp V. Ya. Russkiy geroicheskiy epos (Russian heroic epic). Moscow: Labyrinth, 1999. 636 p. (In Russian).
25. Skazaniya i povesti o Kulikovskoy: Drevnerus. teksti i per. (Legends and stories about the Battle of Kulikovo: Drevnerus. texts and transl.) / Ed. prepare L. A. Dmitriev, O. P. Likhacheva. Leningrad: Science, Leningrad. department, 1982. 422 p. (In Russian).
26. Smolenskiy etnograficheskiy sbornik (Smolensk ethnographic collection) / Comp. V.N. Dobrovolsky. Part 1. St. Petersburg: E. Evdokimov, 1891. 716 p. (In Belorussian).
27. Sokolova V. K. Russkie istoricheskie predaniya (Russian historical legends). Moscow: Nauka, 1970. 288 p. (In Russian).
28. Tkhamokova I. Kh. Tradicionnaya kazachya svadba (po materialam Kabardino-Balkarii) (Traditional Cossack wedding (based on materials from Kabardino-Balkaria)) // World of Culture. 1990. Issue. 1. P. 70–101. (In Russian).
29. Shtyrkov S. A. Predaniya ob inozemnom nashestvii: krestyanskiy narrative i mifologiya landshafta (na materialah Severo-Vostochnoy Novgorodchiny) (Legends about a foreign invasion: peasant narrative and landscape mythology (based on materials from the North-Eastern Novgorod region)). St. Petesburg, 2012. 226 p. (In Russian).
30. Yurchuk L. A. Pskovskie predaniya ob istoricheskikh licah (po materialam folklornogo arhiva PskovGU) (Pskov legends about historical figures (based on the materials of the folklore archive of Pskov State University)) // Bulletin of the Pskov State University. Series: Social Sciences and Humanities. 2015. No 2. P. 75–83. (In Russian).

31. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach. (Belarusian people in Lithuania. Materials for Slavic ethnography collected in). Kraków, Warszawa, 1958. – T. V. Piesni miłosne, weselne, rodzinne, doroczne i inne z okolic Wolkowyska, Lidy, Grodna, Slonima, Białegostoku, Sokolki, Pruzany, Nowogrodka i Slucka. 920 s. (In Poland).
32. Kletska bitwa 1506 g. (Klets battle, 1506) URL: <https://staryolsa.com/ru/lyrics/klieckaja-bitva-1506> (Date of access. 12.01.2021). (In Belorussian).
33. Wypisy z białaruskaj literatury. Čaść I / Złazyŭ i wydaŭ W. Łastoŭski (Excerpts from the Belarusian literature. Čaść I / Złazyŭ and published by W. Łastoŭski). Wilnia, 1918. 80 c. (In Poland).

**Сведения об авторе**

**Матвеев Олег Владимирович** – доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Кубанского Государственного университета (Краснодар) / [vim12@rambler.ru](mailto:vim12@rambler.ru)

**Information about the author**

**Matveyev Oleg Vladimirovich** – Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of Russian History, Kuban State University (Krasnodar) / [vim12@rambler.ru](mailto:vim12@rambler.ru)